

Ю.Г.Коргунюк

ПОЗИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРСПЕКТИВ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Тезис о том, что российский демократ перестает быть демократом, как только упирается в вопрос украинской государственности, к концу XX столетия потерял свою актуальность. Именно благодаря российским демократам Украина, как, впрочем, и все остальные бывшие республики СССР, получила возможность реализовать свое право на создание действительно суверенного государства. Более того, в ходе референдума 17 марта 1991 г., когда большинство населения Украины, как и СССР в целом, проголосовало за сохранение Союза, т.е. фактически против независимости своей республики, российские демократы не побоялись остаться в меньшинстве и выступить вразрез с волеизъявлением большинства своих сограждан.

Благодаря идейному доминированию демократов в российской политике начала 90-х стал возможным и цивилизованный «развод» бывших советских республик, превратившихся в результате в действительно суверенные государства. Отстаиваемый демократами подход к проблемам роспуска СССР не оставил пространства для развития событий по «югославскому сценарию», итогом которого могло стать перерастание взаимных территориальных притязаний в кровавые конфликты.

Задел, оставленный демократами, оказался достаточно прочным для того, чтобы и после их оттеснения на второстепенные позиции отношения между Россией и Украиной остались по своему характеру такими же, как и в начале 90-х. И это несмотря на то, что в своем большинстве представителей российской элиты уже трудно было уличить в доброжелательном отношении к украинской государственности.

В настоящее время спектр господствующих в российском общественном мнении точек зрения на вопрос об украинской государственности и перспективах российско-украинских отношений можно разделить на несколько секторов, каждый из которых тесно связан со вполне определенным политическим направлением.

1. Непризнание украинской государственности как таковой.

Имперский взгляд на украинскую государственность, выражающийся в отказе признавать какие бы то ни было изменения в официальном статусе любой части Российской империи после 1917

г., разделяется в основном маргинальными национал-патриотическими организациями – такими как Русский национальный союз («Пресловутое отделение от триединого русского народа «украинцев» и «белорусов», как сегодня становится уже окончательно ясно, есть не что иное, как запланированная заранее акция, направленная на подрыв национального единства страны и подрыв обороноспособности нашего государства»), Российское общенародное движение («От России отошли ее исконные территории: Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, Закавказье, Казахстан и Средняя Азия»²), националистическое крыло Российского общенародного союза («Признание троцкистско-ленинско-сталинских границ России и Украины – ...безумие. ...Нельзя ...соглашаться с ублюдочной российской и украинской государственностью»³), Союз «Христианское возрождение» («Киев – мать городов русских, а Малороссия – часть России»⁴) и др.

К числу сторонников этой точки зрения отчасти можно причислить и ЛДПР, лидер которой при обсуждении в Госдуме вопроса о ратификации договора «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между РФ и Украиной» мог позволить себе следующие высказывания: «Никогда в истории не было украинского государства, никогда! ...Она [Украина] никто! Она нигде! Нигде Украина! Она наша поэтому. Потому что «Украина» означает «у края», у края Российской Империи. ...Один великий народ был искусственно разделен из-за войны. Поляки и литовцы захватили нашу часть на западе и сделали католиками белорусов и украинцев той части»⁵. При этом, правда, не стоит забывать о сверхгибкости позиции В.Жириновского практически по любому вопросу. Тем более, что в том же выступлении он выразил готовность признать независимое украинское государство – в случае проведения по этому вопросу очередного референдума: «Если большинство жителей Украины скажут, что они хотят жить в самостоятельном Украинском государстве, – немедленно в декабре 1999 года ратифицируем [российско-украинский договор]»⁶.

Следует отметить, что свою позицию радикальные националисты готовы подтверждать не только словом, но и действием. Другое дело, что в силу маргинальности организаций данной части политического спектра их действия носят такой же маргинальный характер и сводятся в основном к мелкому хулиганству. Яркий тому пример – выходка председателя Национально-республиканской партии России, депутата Госдумы первого созыва Н.Лысенко, 5 апреля 1995 г. на пленарном заседании нижней палаты российского парламента разорвавшего государственный флаг Украины.

2. «Полупризнание» украинской государственности, требования «воссоединения» России и Украины.

Данная точка зрения «нехотя» признает право Украины на государственный суверенитет, но исходит при этом или из не-

¹ Заявление РНС «Нет интеграции – да империи!». – Бюллетень Левого информационного центра, № 14, апрель 1997 г.

² Обращение Российского общенародного движения к соотечественникам в ближнем зарубежье. Сентябрь 1995 г. – База данных «ПартАрхив» (<http://www.indem.ru/ru98>).

³ Выступление политического секретаря РОС Н.Павлова на круглом столе «Российско-украинские отношения. Договор в Киеве». 10 июня 1997 г. – Бюллетень Левого информационного центра, № 24, июнь 1997 г.

⁴ Выступление главы СВВ В.Осипова на круглом столе «Российско-украинские отношения. Договор в Киеве». 10 июня 1997 г. – Бюллетень Левого информационного центра, № 24, июнь 1997 г.

⁵ Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы ФС РФ 25 декабря 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/25-12.htm).

⁶ Там же.

возможности не считаться с фактом существования независимого украинского государства, или из чисто идеологических соображений, не позволяющих поставить под сомнение мудрость коммунистических вождей, предоставивших национальным окраинам Российской Империи статус формально независимых государственных образований. В любом случае признание за Украиной свободы выбора в данном контексте сильно отдаёт лицемерием. На деле за Украиной признается только одно право – право на «воссоединение» с Россией и восстановление СССР фактически в прежнем, унитарном, виде. При этом, конечно, речь может идти о создании «обновленного Союза», однако под «обновленностью» будет пониматься что угодно, но только не право республик на сохранение государственного суверенитета.

Указанной точки зрения придерживаются прежде всего коммунисты – Российская коммунистическая рабочая партия («Спасение наших народов возможно лишь на путях подлинного народовластия и воссоздания обновленного Федеративного Союза равноправных суверенных государств советского типа. ...Народы не простят, если мы не воссоздадим обновленное, единое и могучее государство, способное поднять трудящихся на уровень достойной жизни, обеспечить их безопасность и независимость»⁷), Российская партия коммунистов («РПК последовательно выступает не за размежевание, узаконивание разделительных линий России с Украиной, другими братскими республиками, а за дружбу между народами, за воссоздание нашей общей Родины – Советского Союза»⁸).

По сути, на тех же позиции стоят и объединения социал-патриотической ориентации – РОС («Российский общенародный союз с момента своего создания в 1991 году выступал за сохранение, а затем за восстановление единой государственности, прежде всего с Белоруссией и Украиной»⁹), ЛДПР («С экранов телевизоров, по радио, со страниц печатных изданий [Украины] раздаются голоса простых людей, требующих воссоединения с Россией. Они правы. Эти проблемы невозможно решить самостоятельно каждой республике в отдельности. Их можно решить только объединившись»¹⁰) и др. Нетрудно заметить, что организации данной части политического спектра не считают нужным прикрываться фиговым листком упоминаний об обновленном характере «воссоздаваемого» государства, а прямо говорят о «воссоединении» или «восстановлении единой государственности». Благо, они в данном случае не связаны никакими обязательствами – их предшественники не объявляли Украину и прочие части Российской Империи формально самостоятельными государствами.

⁷ Обращение тикета РКРП у посольства Украины президенту Л. Кучме. 17 марта 1998 г. – Бюллетень Левого информационного центра, № 12, март 1998 г.

⁸ Заявление пленума ЦК РПК в связи с ратификацией Федеральным собранием РФ Договора между Россией и Украиной. 13–14 марта 1999 г. – Сайт Российской партии коммунистов в Интернете (<http://rpk-su.chat.ru/index.htm>).

⁹ Заявление РОС «Союзному государству России и Беларуси – безупречную правовую основу!». 29 декабря 1998 г. – База данных «ПартАрхив» (<http://www.indem.ru/pa98>).

¹⁰ Заявление Высшего совета ЛДПР по поводу событий на Украине. Июнь 1993 г. – Партийная форма, № 25 (46), 17–23 июня 1993 г.

3. Создание качественно нового союза.

По сути, данная позиция – результат эволюции предыдущей точки зрения. Когда обнаруживается иллюзорность надежд на возможность одномоментного восстановления status quo ante и от громких лозунгов приходится переходить к более тщательному обдумыванию механизма объединения разошедшихся по национальным квартирам народов, волей-неволей напрашивается вывод о том, что спешка в этом вопросе вряд ли пойдет на пользу делу.

Применимо к нашей теме наиболее ярко эта мысль выражена в одном из заявлений Президиума ЦК КПрФ: «Ставя своей задачей создание обновленного Союза, мы, российские коммунисты, говоря словами В.И.Ленина, адресованными украинским рабочим в 1919 году, прекрасно понимаем, что «такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие»¹¹.

И если основатель советского государства мог позволить себе подразумевать под «величайшей терпеливостью и осторожностью» что угодно, только не реальное признание за кем бы то ни было права на самостоятельный выбор, то его сегодняшние последователи такой возможности лишены. Поэтому фракция КПрФ и вынуждена была проголосовать 25 декабря 1998 г. за ратификацию договора «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между РФ и Украиной» – как документа, подписанного двумя независимыми государствами, – а в качестве основы для создания «союза славянских государств» подыскивать иную, нежели ностальгия по временам СССР или Российской Империи, базу.

Такая база к концу 1998 г. была, казалось бы, как на ладони – благо, к этому времени уже было объявлено о предстоящем слиянии России и Белоруссии в единое государственное образование. Неудивительно, что из числа сторонников «воссоединения» республик бывшего СССР только ленивый не призвал Украину присоединиться к Союзу России и Белоруссии¹². Проблема была лишь в одном: даже слепому было видно, что Украина в СРБ вступать не собирается и вряд ли в сколь-нибудь обозримом будущем соберется.

Речь поэтому могла быть только о возвращении чего-то качественно нового на основе двусторонних связей. Но само состояние этих связей до сих пор остается таким, что высказанная в июне 1997 г. Национальным советом Конгресса русских общин надежда на создание в будущем «единого, качественно нового экономического, политического, оборонного и духовного союза» и «появление на карте мира обновленного великого и могучего государства», «твердыми историческими опорами» которого были бы Киев и Москва¹³, продолжает выглядеть сущей утопией.

¹¹ Заявление Президиума ЦК КПрФ «Севастополь – наша святыня». – Правда России. Газета Коммунистической партии Российской Федерации. № 7 (186), 17–24 февраля 1999 года.

¹² См., например, заявление пленума ЦК РПК (13–14 марта 1999 г.) в связи с ратификацией Федеральным собранием РФ Договора между Россией и Украиной...

¹³ Заявление Национального совета Конгресса русских общин в связи с подписанием пакта российско-украинских соглашений. 13 июня 1997 г. – База данных «Парт Архив» (<http://www.indem.ru/pa98>).

4. Совместная интеграция России и Украины в европейское общество.

Неверие в возможность более тесного союза с Украиной, выходящего за рамки обычных добрососедских отношений, и составляет основу «европоцентристского» подхода к развитию российско-украинских отношений. Раз невозможно объединение на прежней основе, давайте попробуем объединить усилия в стремлении к единой цели – в частности, к интеграции обоих государств в Европу.

По большому счету, данной позиции в России придерживается большинство либеральных (демократических) организаций. Следует при этом отметить, что эта позиция скорее подразумевается, нежели сколько-нибудь внятно эксплицируется. Даже вице-председатель «Яблока» В.Лукин, выступивший на семинаре «Украина между Россией и Западом. Стратегия на начало XXI века» (19 июня 2000 г.) за создание смешанной украинско-российской комиссии – с целью выработки общей позиции по интеграции в европейское сообщество, оговорился, что высказывает личную точку зрения¹⁴. Его осторожность вполне понятна. Официально либералы, подобно большинству политических сил страны, – отнюдь не противники более тесного сближения России и Украины. Тот же В.Лукин полагает: «Чем лучше и интегрированнее будут отношения между Россией и Украиной, тем с большим уважением к нам будут относиться [в Европе]»¹⁵. Другое дело, что либералы мало верят в возможность практической реализации этого пожелания, а главное – не готовы на «интеграцию любой ценой», особенно если эта цена – реставрация реалий советской эпохи.

5. Нецелесообразность интеграции России и Украины в какой бы то ни было форме.

В чистом виде такая позиция, в силу ее утрированности, существует скорее умозрительно, нежели в реальности. Эксплицировать ее вслух – значит расписываться в стремлении к установлению железного занавеса между двумя странами, связанными слишком многим не только в прошлом, но и в настоящем. Тем не менее встречаются маргинальные группы, вполне серьезно отстаивающие данную точку зрения. Так, в апреле 2000 г. некое «Революционное контактное объединение» выступило с заявлением, начинающимся словами: «После того, как в России была окончательно «зачищена» свобода и воцарилась кровавая путинская диктатура, Украина остается последней на всем постсоветском пространстве (куда, разумеется, не входят страны Балтии) землей обетованной, цитаделью западного, неколониального пути развития, последней надеждой всех свободных и независимых людей, отвергающих диктатуру, бесправие, коллективизм и тоталитаризм»¹⁶. Заканчивается этот документ не менее красочно: «У Леонида Кучмы ...есть исторический шанс стать великим государст-

¹⁴ Пресс-релиз «Владимир Лукин считает, что Россия и Украина должны одновременно идти к объединению с Европой». 21 июня 2001 г. – Сайт «Яблока» в Интернете (<http://www.yabloko.ru>).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Заявление РКО «Страна надежды нашей». 17 апреля 2000 г. – База данных «ПартАрхив» (<http://www.indem.ru/pa98>).

венным мужем, взявшим на вооружение программу наиболее радикальных национал-демократических партий Западной Украины и с их помощью спасшим свою страну от имперско-коммунистического реванша и новой оккупации Москвой»¹⁷.

¹⁷ Там же.

Сказать, что РКО олицетворяет собой некое политическое течение, было бы изрядным преувеличением. В его рядах всего-то два с половиной человека, а политическая линия РКО строится больше на стремлении противопоставить всему политическому истеблишменту страны в целом, чем на позитивной системе взглядов. Кроме того, сторонников точки зрения на Украину как на «последнюю надежду всех свободных и независимых людей» затруднительно будет найти не только в России, но, пожалуй, и среди самых ярких украинских националистов, для которых как бальзам на раны – слова авторов заявления: «Пусть если и не официальной, то духовной и политической столицей Украины станет Львов, город, символизирующий священную ненависть украинского народа к колонизаторам – москалям и коммунистам»¹⁸. Пожалуй, даже для УНА-УНСО характеристика Украины как «земли обетованной, цитадели западного, неколониального пути развития» – скорее политическая гипербола, идеал, к которому следует стремиться, нежели данная в ощущениях объективная реальность.

¹⁸ Там же.

* * *

Таким образом, спектр точек зрения на перспективы развития российско-украинских отношений достаточно широк, но реальной поддержкой среди сколько-нибудь влиятельных политических сил России пользуются только две из них: 1) отстаивание необходимости более тесной интеграции двух государств при признании суверенитета сближающихся сторон и 2) неверие в возможность такой интеграции в обозримом будущем. Последней позиции придерживаются либералы, первой – все остальные видные политические силы страны.

При этом следует учитывать, что в составе Государственной Думы нынешнего созыва либералам принадлежит от силы 12% мест. Другими словами, подавляющее большинство депутатского корпуса, а следовательно и подавляющее большинство политически активного населения страны, – сторонники более тесной интеграции России и Украины на равноправной основе.

Тем более непоследовательной и противоречивой кажется позиция сторонников интеграции, когда становится необходимым от общих пожеланий и лозунгов перейти к обсуждению более конкретных проблем. Дело в том, что существует целый ряд «больных» вопросов, муссируя которые сторонники сближения как будто специально преследуют цель сделать невозможным не только интеграцию Украины и России, но и сохранение между ними нормальных межгосударственных отношений.

Это прежде всего вопросы о статусе русских и русского языка на Украине, о территориальных претензиях РФ к Украине и разделе Черноморского флота, о праве Украины на вступление в НАТО.

1. Вопрос о статусе русских и русского языка на Украине.

Тезис об ущемлении на Украине прав русского населения весьма популярен в среде сторонников ускоренной интеграции двух государств. Документы социал-патриотов, национал-патриотов, коммунистов, да и просто «центристов» пестрят протестами против «существующей практики насильственной украинизации русского и русскоязычного населения Украины»¹⁹. Подписанный 31 мая 1997 г. договор «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между РФ и Украиной» был подвергнут «патриотами» резкой критике не в последнюю очередь за то, что в нем «отсутствуют гарантии русским, проживающим на Украине»²⁰. Большой популярностью пользуются обвинения в том, что украинские власти закрывают или переводят на украинский язык русские школы – как сказал В. Жириновский, «вводят везде украинский язык»²¹.

Вполне можно понять стремление поддержать соотечественников, волей судеб оказавшихся по ту сторону государственной границы, – особенно если бы это стремление выразалось в оказании вполне конкретной помощи русским общинам по поддержанию связей с исторической родиной. Труднее согласиться с желанием вынести этот вопрос на уровень межгосударственных отношений, причем решить его с позиции «Все животные равны, но некоторые равнее других».

Никому ведь не кажется противоестественной ситуация, при которой живущие в России украинцы фактически ассимилированы: учатся в русских школах, заполняют на русском языке не только государственные, но и все прочие бумаги и т.п. Если кто-то из них горит желанием сохранить свою национально-культурную идентичность, никто не запрещает ему делать это в рамках соответствующих общественных объединений. Но и требования предоставить таким желающим некий особый статус рассматривались бы как претензии на ни чем не обоснованные привилегии.

Однако при рассмотрении аналогичной ситуации на Украине противникам «украинизации» почему-то не приходит в голову, что в обязанности украинского государства не входит и не может входить задача поддержания русской культуры – в том числе сохранение образовательных учреждений, преподавание в которых ведется на русском языке. Поддержание русской культуры – задача русскоязычной общественности, отчасти местного самоуправления и, разумеется, российского государства, которое в этом случае должно оказывать помощь в создании за рубежом соответствующих культурных учреждений, действующих на общественной основе.

¹⁹ Заявление Национального совета Конгресса русских общин в связи с подписанием пакета российско-украинских соглашений...

²⁰ Обращение Союза православных братств председателю Совета Федерации Е. С. Строеву. Март 1999 г. – Сайт Союза православных братств в Интернете (http://www.rusk.ru/Social_Life/Uof/).

²¹ Выступление В. Жириновского на пленарном заседании Госдумы 25 декабря 1998 г. – Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы ФС РФ 25 декабря 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/25-12.htm).

Требовать от украинского государства поддержки русской культуры, а тем более сохранения за русским языком официального статуса можно только в одном случае – если украинская государственность воспринимается или как *искусственное*, или как *временное* образование, а украинцам позволяется претендовать максимум на автономию в рамках российского государства. Но в этом случае ни о какой равноправной интеграции не может быть и речи, и у Украины есть все основания опасаться, что обещанное «воссоединение» российские «братья» планируют проводить путем заурядной оккупации.

Разумеется, украинские власти в данном вопросе отнюдь не безгрешны – особенно когда пытаются ограничить распространение *независимой* русскоязычной прессы или деятельность *независимых* радио- и телевещательных компаний, ведущих свои передачи на русском языке. Но речь идет именно о *независимых*, т.е. частных или общественных СМИ, а никак не государственных. Точно так же украинские власти не правы, если закрывают частные школы, преподавание в которых ведется на русском языке. Но они не обязаны оказывать этим школам государственную поддержку. Это задача общественности или, в лучшем случае, местного самоуправления.

В любом случае, борьба против попрания прав русскоязычного меньшинства должна вестись силами прежде всего самой русскоязычной общественности – как части гражданского общества Украины. И союзников она должна искать в первую очередь среди украинцев и в последнюю – в лице российского государства, а тем более тех политических сил в России, которые ухитряются клясться в братской дружбе украинскому народу и одновременно требовать от украинского государства признания собственной второсортности.

Характерно, что непонимание специфики данной проблемы в России проявляют не только «профессиональные патриоты», но и некоторые представители правозащитной общественности. Так, например, исполнительный директор движения «За права человека» Л. Пономарев в июле 2000 г. направил В. Путину письмо, в котором призвал президента России «сделать официальное представление руководству республики Украина с требованием незамедлительно пресечь антиправовые действия львовских властей по дискриминации русскоговорящих этнических меньшинств и русского языка»²², а в случае, если этот демарш останется без удовлетворения, – «использовать все возможные формы политического, экономического и дипломатического давления на Республику Украину, включая механизмы СНГ, Совета Европы и ООН»²³.

Спору нет – борьба львовских властей с употреблением русского языка мало совместима со здравым смыслом. Но много ли здравого смысла в советах самого Л. Пономарева? Не правильнее

²² Открытое обращение Общероссийского движения «За права человека» к Президенту РФ «Российское государство обязано сделать все необходимое для прекращения дискриминации русского языка в Львовской области». – База данных «ПартАрхив» (<http://www.indem.ru/pa98>).

²³ Там же.

было бы российскому правозащитнику обратиться прежде всего к украинским правозащитникам? Ведь вмешательство в данный вопрос главы российского государства сродни попыткам тушить пожар керосином – оно способно лишь подстегнуть борцов с «засильем москалей», дать им возможность задним числом оправдать свое усердие.

Как разновидность попытки защитить «своих» на Украине можно рассматривать и стремление «профессиональных патриотов» отстоять интересы Русской православной церкви в соседней республике (так; глава Союза «Христианское возрождение» В.Осипов на состоявшемся 3 марта 2000 г. у посольства Украины в Москве митинге обвинил украинские власти в стремлении навязать киевской митрополии независимость от Московского патриархата²⁴). Здесь, впрочем, комментарии излишни. Российско-украинским отношениям не хватало еще вынесения на межгосударственный уровень проблем, связанных с внутриконфессиональными проблемами.

²⁴ Олег Недумов. «Христиане» решили не бить стекла украинцам. – Независимая газета. № 41 (2103), 4 марта 2000 г.

2. Территориальные претензии (Крым, Севастополь) и проблема раздела Черноморского флота.

Удивительное дело, но стремление к сближению с Украиной отнюдь не сделало сторонников интеграции более уступчивым в вопросе территориальных претензий к соседу. Скорее наоборот, чем яростнее та или иная политическая сила ратовала за «воссоединение» России и Украины, тем большую жесткость она проявляла при обсуждении проблемы Крыма, Севастополя и т.п.

Трудно понять, чего тут больше: глубоко запрятанного неверия в реальную возможность «воссоединения» или наивной надежды в действенность шантажа на уровне «Ах, хотите жить сами по себе – тогда возвращайте все наши подарки!». Скорее всего, дает о себе знать особенность любой логики, строящейся на основе «готтентотской морали»: наши претензии на любую вещь справедливы и не подлежат сомнению, чужие претензии на любую вещь – по определению наглы и беспардонны. Политическая идеология, начертанная на своих знаменах патриотические лозунги, в принципе не допускает возможности правоты «чужого», не может поставить «своего» на место «чужого», а «чужого» – на место «своего», не способна выработать единых критериев для нейтральной оценки чьих-либо действий – вне дихотомии «свой – не свой». Недаром самое страшное ругательство в устах «профессиональных патриотов» – «общечеловек», т.е. человек, верящий в существование общих для всех, общечеловеческих, критериев и оценок.

С точки зрения «готтентотской морали» нет никакого противоречия в одновременном предложении «вечной дружбы» и предъявлении претензий на имущество «друга». Ведь и дружба в конечном счете предлагается исключительно с целью завладения этим имуществом, а до постановки вопроса – зачем предполагае-

тому «другу» нужна такая дружба – у приверженцев «готтентотской морали» дело как-то и не доходит.

В основу любых территориальных претензий кладутся внешне разумные доводы, однако при ближайшем рассмотрении их сомнительность становится более чем очевидной. Так, в основе требований вернуть России Крым и в первую очередь Севастополь лежат, как правило, ссылки на то, что Н.Хрущев в 1954 г. «передал Крым из РСФСР в УССР, не спросив мнения крымских властей и населения и не удосужившись даже в соответствии с существовавшими тогда Конституциями СССР и РСФСР задним числом придать видимость законности своему самовольному решению»²⁵. Однако подобные ссылки содержат в себе известную долю лукавства – ссылающимся очень хорошо известно, каков на самом деле был механизм принятия решений в Советском Союзе. Мнение партийных органов, а особенно Политбюро и генсека всегда было решающим, и с этой точки зрения легитимность шага Н.Хрущева не вызывает никаких сомнений.

Что же касается соблюдения формальных юридических процедур, то с этой точки зрения трещит по швам вся правовая и политическая система СССР. Начать с того, что т.н. «советская власть» перестала быть советской еще в 1918 г., когда большевики отказались признать результаты перевыборов Советов (на селе они вообще были распущены), сделав их декорациями, призванными камуфлировать диктатуру партийного аппарата. Поэтому и легитимность официальных органов советской власти – Верховных советов СССР, РСФСР, УССР и пр., которые формально и должны были принимать решение о передаче Крыма в состав Украины, – более чем сомнительна: будучи по статусу выборными, в действительности они формировались на безальтернативной основе – правомочность таких органов не признает ни один сколько-нибудь беспристрастный суд.

Кроме того, не надо забывать, что право России на Крым – это право завоевателя, в то время как право Украины – это право наследника, получившего свою долю благодаря неряшливо составленному завещанию. Ставить под сомнение право наследника – значит отдавать предпочтение праву, основанному на грубой силе. Какое из этих прав является более социально зрелым, показывает простое сравнение бывшего СССР с бывшей Югославией, скатившейся в пучину межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

В конечном счете, вопрос о территориальных претензиях к Украине – это прежде всего вопрос о выборе пути развития самой России, вопрос о том, в какой системе координат она намерена существовать. Первая система координат – «все что мое – это мое, все что не мое – это тоже мое, но только нагло украденное врагами», вторая – «Крым терять печально, но еще печальнее потерять

²⁵ *Заявление Президиума Центрального совета Российского народного собрания «О беспринципной политике Российского руководства в отношении Республики Крым». Март 1992 г. – Путь. Газета Российского христианского демократического движения. № 3 (16), 1992 г.*

мир». Первую систему координат отстаивают сторонники возвращения Крыма в состав России, представленные самым широким кругом политических сил – от национал-патриотов и радикал-коммунистов до «Отечества». Вторая наиболее четко отражена в позиции либералов: «Вряд ли россияне в большинстве своем одобряют принятое 45 лет назад Н.С.Хрущевым волонтаристское решение о передаче Крыма Украине. Но мы убеждены, исходить надо прежде всего из сложившихся реалий. Любые территориальные споры бессмысленны и неконструктивны, усугубляют взаимное недоверие и отчужденность и служат источником конфликтов, в том числе и вооруженных. Те же, кто искусственно раздувают «крымский вопрос», как раз и ведут к разжиганию экстремизма и шовинизма, к ухудшению положения жителей Крыма и Севастополя, так как неурегулирование ситуации мешает решению животрепещущих проблем региона в обеспечении его энергией, продовольствием, топливом. России и Украине, основываясь на нашем общем прошлом, традициях, на общих интересах, надо смотреть вперед и строить нормальные политические и экономические отношения, исходя из принципов уважения территориальной целостности и государственного суверенитета»²⁶.

²⁶ Обращение Координационного совета Коалиции «Правое дело» к членам Совета Федерации. 16 февраля 1999 г. – Правоцентристская коалиция демократических сил «Правое дело». Информационный бюллетень. №1. Москва, март 1999 года.

О том, что вторая позиция носит гораздо более ответственный характер, говорит и тот факт, что в конце концов ее вынуждена была принять и Государственная Дума второго созыва, 25 декабря 1998 г. ратифицировавшая договор «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между РФ и Украиной». Напомним, что тогда в Госдуме доминировали коммунисты и их союзники. Любопытно в этом плане опубликованное в газете «Дума» (издание думской фракции КПрФ) непроизнесенное выступление члена Президиума ЦК Компартии РФ Н.Биндюкова, содержащее, в частности, следующие слова: «Найдется немало депутатов, несогласных с записанным в ст.2 Договора обязательством уважать территориальную целостность друг друга и нерушимость существующих между двумя странами границ. При всем тактическом и эмоционально-идеологическом негативе этого тезиса в настоящее время представляется, что в стратегическом плане и с точки зрения геополитических позиций и общих судеб наших двух стран и народов с этим тезисом следует согласиться»²⁷. По форме коряво, но содержанию – вполне здраво.

²⁷ Дума. Издание фракции КПрФ в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. № 2 (181), 13–20 января 1999 года.

Характерно, что позиция КПрФ в этом вопросе оказалась куда как более конструктивной, нежели позиция «Отечества», до последнего бившегося против ратификации российско-украинского договора – на том основании, что документ оставлял за Украиной суверенитет над «городом русской славы» Севастополем. Оппонентами Ю.Лужкова и его сторонников в этом вопросе были не только либералы из «Правого дела», но и представители КПрФ, обосновывавшие свою позицию, по сути, одними и теми же словами:

«Не следует забывать, что Севастополь, вопрос о котором является сегодня камнем преткновения, стал символом славы в то время, когда Россия и Украина были едины. И во время Крымской, и во время Великой Отечественной войн его защищали не только русские, но и украинцы, и белорусы, и представители других народов Российской империи и Советского Союза»²⁸ («Правое дело»);

«На протяжении двух веков Севастополь создавали и обороняли от англичан и французов, турок и немцев наши отцы, деды и прадеды. И никто не спрашивал их, какой они национальности. И никто не размышлял о том, кому принадлежит Севастополь, ибо он был святыней единой страны»²⁹ (КПРФ).

Упорство в вопросе о Севастополе – всего лишь эпизод в деятельности «Отечества», но эпизод весьма показательный. «Показал» он прежде всего реальный масштаб политической фигуры московского мэра – явно недостаточный для занятия поста главы государства. Конечно же, если бы Ю. Лужков стал президентом России, его внешнеполитическая линия, в том числе и в вопросах российско-украинских отношений, была бы несравненно более осторожной. Но «готтентотская мораль» тем и плоха, что дает о себе знать в самые решающие, т.е. кризисные, моменты. А это уже чревато самыми неприятными последствиями не только для отдельного государственного деятеля, но и для страны в целом.

Что касается Черноморского флота, то его тоже можно рассматривать как своего рода совместно нажитое имущество. В вопросе его раздела «патриоты» (они же сторонники интеграции) также повели себя как люди, которые разводу цивилизованному предпочитают развод со скандалом и ненавистью по гроб жизни. Согласие руководства России сначала на двойной статус ЧМФ, а затем и на его раздел был расценен ими как «вопиющее предательство»³⁰, «антигосударственная деятельность»³¹. Единственно правильным решением данного вопроса, по мнению «патриотов», мог считаться только «незамедлительный подъем российских военно-морских флагов на боевых судах Черноморского флота»³².

С «патриотами» можно согласиться в одном – следствием раздела Черноморского флота стало уничтожение значительной части входивших в него кораблей³³. Но правильнее было сказать по-другому: раздел не повлек за собой, а всего лишь ускорил развал ЧМФ. Общей проблемой и России, и тем более Украины было отсутствие средств на содержание таких крупных военно-морских группировок. Недаром прочие флоты, входящие в состав ВМФ России, – Балтийский, Тихоокеанский, Северный – в течение 90-х гг. также лишились значительной части плавсостава. Что уж тут говорить о куда более нищей Украине, не имеющей ни сил, ни средств на содержание такой дорогой «игрушки», как собственный военный флот.

²⁸ *Обращение Координационного совета Коалиции «Правое дело» к членам Совета Федерации. 16 февраля 1999 г. ...*

²⁹ *Заявление Президиума ЦК КПРФ «Севастополь – наша святыня»...*

³⁰ *Обращение учредительного съезда Социал-патриотического Движения «Держава» в связи с событиями в Крыму. 2 апреля 1995 г. – База данных «ПартАрхив» (<http://www.indem.ru/ra98>).*

³¹ *Заявление Российского общенародного союза «Остановить предательство, спаси Российский Черноморский Флот!». 11 апреля 1997 г. – База данных «ПартАрхив» (<http://www.indem.ru/ra98>).*

³² *Там же.*

³³ *«Если на 1 января 1992 года в состав Черноморского флота входило 110 боевых судов, на сегодняшний день (апрель 1997 г. – Ю.К.) их осталось 43. Из 14 подводных лодок ныне в составе флота осталось только 4. Из 40 кораблей специального назначения осталось 15. Из 189 морских судов обеспечения осталось 106» – Там же.*

Но в том-то и дело, что будь у Украины средства на содержание флота, России не видать бы ни одного корабля из состава ЧМФ! Она вынуждена была бы согласиться с полной потерей Черноморского флота, как согласилась с потерей Крыма и Севастополя. И альтернативой здесь могла бы стать только аннексия ЧМФ – с полного, конечно же согласия, личного состава, но зато и с полным изменением сценария взаимоотношений с ближайшими соседями и всем остальным миром. На смену разводу цивилизованному пришел бы развод по-югославски.

Показательно, что из всех «патриотов» наиболее конструктивную позицию в данном вопросе вновь заняла Компартия РФ. Ее подход, заключающийся в том, что Севастополь, как место базирования ЧМФ, в будущем должен превратиться в «базу Объединенного Военно-Морского Флота ...нового единого Союза»³⁴, хотя и отдает утопизмом, но, по крайней мере, безвреден в практическом плане.

³⁴ *Заявление Президиума ЦК КПРФ «Севастополь – наша святыня»...*

3. Вопрос о праве Украины на вступление в НАТО.

Одним из главных доводов против ратификации договора «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между РФ и Украиной» в устах «патриотов» состоял в том, что данный документ «открывает украинской политической верхушке дорогу в НАТО»³⁵ («По натовскому уставу в состав организации не может быть принята страна, имеющая территориальные споры с соседними государствами. Подписав договор, российские политики не только отдали Крым и Севастополь, но и фактически сделали НАТО ближайшим соседом Кубани»³⁶).

Вытекающая из «готтентотской морали» неспособность учитывать интересы противоположной стороны проявилась и в полном непонимании «патриотами» сути реальной опасности, которую таит в себе продвижение НАТО на восток. Это отнюдь не военная угроза, это прежде всего опасность внешнеполитической изоляции России на всем западном направлении. Ведь главная беда состоит не в том, что НАТО пытается расширить свои восточные рубежи, а в том, что ближайшие соседи России сами рвутся в Северо-Атлантический блок. Вот этому обоюдному «влечению» Россия как раз и не способна ничего противопоставить.

Предъявляя Украине территориальные претензии, требуя признать официальный статус русского языка и т.п., «патриоты» как раз и занимаются тем, что «продвигают» НАТО на восток, убеждая политическую элиту Украины в том, что ей не остается ничего другого, кроме как просить защиты у Запада. И не важно, когда вступление Украины в НАТО будет оформлено юридически, если политически она уже давно там. Создание этому процессу искусственных препятствий ни на сантиметр не приблизит Украину к России, а скорее наоборот – максимально ее отдалит. А это и есть проигрыш России на западном направлении.

³⁵ *Заявление Краснодарского краевого отделения ОПОО «Отечество» по поводу натовских бомбардировок Югославии. – Отечество. Газета Краснодарского регионального отделения ОПОО, № 5, 27.03.–02.04.99.*

³⁶ *Там же.*

Конечно же, в российском политическом спектре встречаются и весьма экзотические взгляд на проблему вступления в НАТО ближайших соседей России. Так, Демократический союз В.Новодворской неоднократно подчеркивал благотворность подобного шага как для них, так и для самой России («НАТО могло бы стать для России гарантией от коммунистического реванша и прихода к власти коричневых национал-патриотов. Отказываясь от этих гарантий, Россия открывает путь этим бедствиям. Тому, кто не замышляет оккупацию стран Балтии, Украины, Польши, Чехии и Венгрии, незачем бояться их вступления в НАТО»³⁷)

³⁷ *Заявление Центрального координационного совета Демсоюза России «Сопротивление расширению НАТО – доказательство его необходимости». 18 февраля 1997 г. – База данных «ПартАрхив» (<http://www.indem.ru/ra98>). См. также заявления ЦКС ДСР «Откат России» (10 сентября 1998 г.) и «НАТО – оплот и флагман демократии» (17 марта 1999 г.). – Там же или на сайте Демсоюза (<http://ds.ru>).*

Но это уже другая крайность. Вступление Украины в НАТО не может быть для России благом уже потому, что само по себе будет отражать крайнюю степень отчуждения двух родственных друг другу стран. Вступив в НАТО, Украина тем самым подчеркнет, что нисколько не доверяет ближайшему соседу и даже готова на несение дополнительных расходов, лишь бы обезопасить себя от угрозы с востока. Конструктивному сотрудничеству двух стран это, естественно, не будет способствовать ни в малейшей степени.

Единственное успокоение – данная точка зрения отстаивается маргинальной группой, сделавшей своим кредо ни в чем не соглашаться с мнением большинства. Ни Демсоюз, ни его точка зрения на проблему НАТО не пользуются среди российского населения ровно никакой популярностью – в отличие от противоположной позиции, согласно которой вступлению Украины в НАТО следует всячески противодействовать, причем делать это посредством предъявления ей территориальных претензий и отказа от подписания с нею межгосударственных договоров.

* * *

По большому счету, противоречивость и непоследовательность позиции «патриотов» в вопросе развития российско-украинских отношений обусловлена тем, что в их сознании существует как бы две Украины – идеальная и реальная. Идеальная Украина стремится к воссоединению с Россией и восстановлению СССР, да и вообще во всем следует в фарватере «старшего брата»; реальная Украина украла у россиян Крым, Севастополь и Черноморский флот, украинизирует русскоязычное население, стремится вступить в НАТО, не возвращает долги, ворует газ и т.п. Поэтому с идеальной Украиной нужно как можно скорее объединяться, а реальной – ни в чем не давать спуска. При этом сторонникам данного похода почему-то не приходит в голову, что чем жестче они будут вести себя с Украиной реальной, тем более глубоким будет ее разрыв с Украиной идеальной.

Есть и другая точка зрения. Согласно ей, существует только одна Украина – реальная. В настоящий момент Россия находится с нею в состоянии развода, раздела имущества и т.п., и пока этот процесс не завершится, о сближении двух соседей не приходится и мечтать. Важно сделать так, чтобы этот развод был осуществлен как можно более цивилизованными способами. В этом случае между двумя странами быстрее установятся и действительно добрососедские отношения.

На сегодня последнюю точку зрения разделяет, к сожалению, лишь меньшинство политического спектра России – в основном это только либералы. Но слава богу, к данной точке зрения ближе и руководство страны, включая МИД. Это еще один повод задуматься над тем, так ли уж порочна Конституция, лишившая парламент ведущей роли в формировании внешней политики страны.